

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ИСТОРИЯ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ПРОШЛОЕ

На какие вызовы мы отвечаем?

Вопрос достаточно сложный. Начало нового столетия – и тысячелетия – кажется временем реального прихода новой эпохи, коренных изменений мира, отдельных государств и обществ, сложного переплетения глобальных и региональных процессов, интеграции и дезинтеграции. На все изменения накладывается новая технологическая революция, которая качественным образом трансформировала экономику, политику, социальную жизнь. Однако это не означает, что события прошлого стали очевидной историей, потерявшей для нас всякую актуальность.

К сожалению, психология играет с нами злые шутки, и события начала XX века воспринимаются примерно так же, как и события из истории древнего Египта. Зачастую мы не задумываемся, насколько близко это прошлое к нам.

А ведь именно из прошлого выходят корни большинства современных проблем. Этнические конфликты, территориальные и конфессиональные споры – все это гости из прошлого в нашем столетии.

Еще один вопрос касается многочисленных международных организаций, существующих в современном мире.

Сформировавшаяся после второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система международных отношений стала эпохой международных организаций. Количество международных межгосударственных организаций различного уровня и масштаба непрерывно возрастало, пока в середине 1980-х гг. их число не достигло 378. После этого началось постепенное сокращение количества международных организаций, и к 1998 г. их осталось всего 254. Значительно сократилось число военно-политических организаций, которые фактически были основой международных структур периода холодной войны.

Нужны ли военно-политические организации в их нынешнем виде?

Система военно-политических организаций в условиях Ялтинско-Потсдамской системы имела вполне определенную направленность: именно она воплощала собой блоковое противостояние, считающееся отличительным признаком этого этапа международных отношений. Блоки создавались вокруг СССР и его союзников. Багдадский пакт (позднее – Организация Центрального договора, СЕНТО) и Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) фактически создавали для НАТО южный и юго-восточный фланги, окружая СССР. В качестве ответной структуры была создана Организация Варшавского договора.

Блоковое противостояние по сути выступало как гарантия существования военно-политической организации. Вне этого противостояния само существование таких организаций в глобальном или макрорегиональном масштабе теряло политический и военный смысл.

В настоящее время число военно-политических организаций в мире свелось в реальности к двум: Организации коллективного договора о безопасности (ОКДБ, создана в 2002 г.) в СНГ и НАТО. В качестве современной формы военно-политической структуры международной организации в настоящее время скорее выступает *военно-политический компонент*.

Наличие военно-политического компонента характерно для большинства межгосударственных политических международных организаций. Военно-политический компонент в международных организациях занимает значительное место. Примерами могут служить такие организации, как АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), Африканский Союз, Организация Американских Государств и многие другие региональные организации. При этом следует подчеркнуть, что в деле самосохранения международных организаций значительную роль играет бюрократия, не желающая терять рабочие места в случае ликвидации какой-либо структуры, утратившей актуальность. Вероятно, именно бюрократия в значительной степени поддерживает «на плаву» такую организацию, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которая в период холодной войны играла роль межблокового форума, а в 1990-е гг.

потеряла очевидный смысл своего существования и усиленно ищет для себя новые формы деятельности и задачи.

Такая же судьба в определенной степени постигла НАТО. Окончание холодной войны означало, что угроза военного столкновения в традиционной евроатлантической зоне ответственности НАТО была практически снята с повестки дня. Строго говоря, из этого следовало, что существование НАТО также потеряло смысл, поскольку на протяжении 40 лет провозглашалась главная задача этой международной организации – отражение агрессии с Востока. Альянс столкнулся с проблемой переосмысления своей роли в мире. Дважды в 1990-е гг. НАТО принимало новые стратегические концепции (в Риме в 1994 г. и в Вашингтоне в 1999 г.). Концепция 1999 г. провозглашала сохранение НАТО в качестве региональной организации безопасности, но подразумевала расширение сферы ответственности НАТО из чисто евроатлантической до сферы интересов участников этой международной организации. Фактически началась трансформация НАТО в глобальную военно-политическую организацию. Логическим следствием этого стало провозглашение в 2002 г. глобальной ответственности НАТО. Одним из новых аспектов деятельности НАТО стало укрепление ее контактов с Европейским Союзом, поддержка формирования новой «европейской идентичности в сфере безопасности и обороны» (ESDI, European Security and Defence Identity). Первыми результатами новой европейской активности НАТО стали операции Альянса на Балканах – в Боснии (1992 – 1995), в Косово (1999), в Македонии (2000).

В то же время можно обнаружить и внутренние противоречия в НАТО. Для европейцев Северо-Атлантический альянс все больше воспринимается как организация, ретранслирующая внешнеполитические акции США. Прямолинейность действий США, их нацеленность на силовые, по сути упрощенные решения сложных политических проблем, особенно затрагивающие страны с иной цивилизационной моделью (прежде всего исламские страны Ближнего и Среднего Востока) вызвали оппозицию европейских стран. Пробным камнем оказалась проблема Ирака (Иракский кризис 2002 – 2003 гг.). Раскол мнений в Европе затронул и страны НАТО. В поддержку США высказались новые члены НАТО – бывшие восточноевропейские участники Организации Варшавского договора. Против выступила часть западноевропейских союзников США (которых министр обороны США Д. Рамсфилд пренебрежительно назвал «старой Европой»). В частности, против иракской авантюры выступила Бельгия, и НАТО не смогла участвовать в американском походе на Ирак. Отсюда возникла идея «Коалиции желающих», т.е. государств, лояльных к США. В результате возник вопрос: есть ли единство в НАТО? После завершения иракской кампании можно видеть постепенное преодоление противоречий в Альянсе, по крайней мере, внешнее. «Впервые в истории НАТО, Соединенные Штаты действуют так, как будто они не нуждаются ни в НАТО, ни в ООН, ни в поддержке союзников. При президенте Буше, США действуют так, как будто они могут справиться со всеми проблемами самостоятельно. Вопрос состоит в том, почему Америка подрывает институты, которые она же сама и основывала? Почему Америка вошла в период безграничного упоения своей силой? Почему Германия и Франция предпочли пойти на резкое ухудшение отношения с США? Ответы на эти вопросы необходимо искать в анализе внутренней политики этих стран, в том как они определили для себя свои национальные интересы, а самое главное в том, какими ценностями они руководствуются и каким они хотят видеть мир в XXI веке», – отмечал американский исследователь В.Н. Бровкин¹.

С другой стороны, США стремятся переложить часть операций на НАТО: так происходило и в Афганистане (2002), и в Ираке (2004) Цель таких действий очевидна: демонстрация единства членов НАТО перед внешним миром, при этом НАТО выступает прежде всего как организация, защищающая и распространяющая идеи демократии и прав человека в их западном, евроатлантическом понимании.

---

¹ См. Бровкин В.Н. Новые ценности старой Европы: кризис отношений с Соединенными Штатами Америки // Уральский вестник международных исследований. Вып. 1. Екатеринбург, 2003. С. 85.

При этом необходимо подчеркнуть, что НАТО в настоящее время остается единственной относительно эффективной военно-политической организацией с развитой инфраструктурой, способной реально отразить любую внешнюю агрессию, осуществленную в традиционной военной форме (аналогичной Второй мировой или Корейской войнам).

Другие военно-политические структуры современного мира во многом являются символическими. СНГ как военно-политическая структура практически не существует: не случайно в рамках СНГ пришлось еще дополнительно создавать ОКДБ. В то же время ОКДБ пока остается декларацией о намерениях, идея этой военно-политической организации остается на бумаге, а реализация проекта фактически пока еще и не началась. Интересы отдельных стран СНГ часто противоречат идее этой организации в целом, и перспектива ее сохранения связана скорее с лоббистскими интересами международной бюрократии, чем с реальными интересами стран-участниц.

Не меньше вопросов вызывает и военный компонент Европейского Союза. В 1999 г. структуры ЗЕС были влиты в ЕС. В то же время реализация Общей внешней политики и политики безопасности (CFSP) и Общей политики в сфере безопасности и обороны (CSDP) сталкивается с таким количеством проблем, что возникает впечатление: европейская гора родила мышь. Европа как военно-политическая структура практически не состоялась, и единственными по-настоящему эффективными военно-политическими структурами на Европейском континенте остаются структуры НАТО. Кроме того, возникает вопрос: существует ли реальная перспектива формирования военно-политического компонента ЕС в условиях противоречий в ЕС? В Ниццкий договор (2000) был заложен проект Европейских сил быстрого реагирования (численностью 60 тыс.). В 2003 г. была принята Концепция безопасности ЕС. Новая концепция безопасности (2004) содержит идею создания боевых групп по 1500 чел. (на данный момент создано две таких группы при плане создания семи таких групп). В результате для современной Европы более характерна самостоятельная деятельность стран ЕС в военно-политической сфере: страны ЕС самостоятельно пытаются решать конфликтные ситуации (2003 г.: Испания и Марокко). В современной внешней политике Германии преобладают пацифистские тенденции (хотя Германия и участвует, например, в мирном урегулировании в Афганистане в рамках политики НАТО). С другой стороны, Франция выступает как мотор самостоятельной европейской политики, в том числе в сфере безопасности, и провозглашает сохранение европейской ответственности прежде всего по отношению к бывшим европейским колониям (чаще всего это касается проблем Африки).

Однако главной проблемой для НАТО и для отдельных стран, входящих в НАТО, стало изменение характера военных угроз, проявившееся во второй половине XX века. Последними войнами традиционного типа были Корейская война, арабо-израильские войны 1956, 1967 и 1973 гг., а также ирано-иракская война 1982 – 1988 гг. Альтернативой стали партизанские войны, первым примером которых стала война в Индокитае (сначала война Франции в 1948 – 1954 гг., затем американская война во Вьетнаме в 1965 – 1973 гг.). На рубеже XX и XXI вв. появились новые, террористические угрозы международной безопасности (поэтому в международном политическом лексиконе появилось новое выражение – «международный терроризм», хотя по строгому определению терроризм – только одна из форм деятельности экстремистских организаций, и бороться необходимо не с терроризмом как таковым, а с экстремизмом). Американские страны также стали зоной партизанских войн (особенно ярко это видно на примере Колумбии, Перу и Эквадора – в конце XX века на Американском континенте все же вспыхнул пожар, разжечь который в 1960-е гг. мечтал Эрнесто Че Гевара).

Этнические и традиционалистские конфликты распространились в Африке. При этом можно увидеть две стороны процесса – межконфессиональные и межэтнические конфликты. Возможно ли эффективное использование вооруженных сил для урегулирования таких конфликтов, особенно в тех случаях, когда противоборствующие стороны сами не желают урегулирования, как это произошло в Сьерра-Леоне и Кот д'Ивуаре? Серьезной проблемой современности стал сепаратизм. Неожиданное, невозможное прежде понятие «самопровозглашенного государства» опирается на идею стабильности границ и недопущения создания новых государств без международного на то согласия (в предшествующие столетия по сути все государства были «самопровозглашенными»),

возникали и погибали в зависимости от конкретных политических обстоятельств и военных успехов; в настоящее время только одно «самопровозглашенное» государство – Эритрея – существует в качестве международно признанного государства).

Рубеж XX и XXI столетий стал временем разрушения базовых идей Вестфальской системы, существовавших с XVII века. Существует ли в настоящее время право полного государственного суверенитета в рамках государственных границ? Допустима ли смена политических режимов силами внешнего вмешательства? Могут ли служить предлогом для внешнего вмешательства нарушения прав человека на территории суверенного государства? Могут ли вопросы этики быть основой для вмешательства во внутренние дела другого государства? Впрочем, как отмечал в 1996 г. будущий президент США Дж. У. Буш, «о незаконности действий нам необходимо говорить так, словно у нас ее нет». Позднее, став президентом США, Дж. У. Буш в октябре 2001 г. заявлял, что «мы готовы вести работу с обеими сторонами, чтобы снизить уровень террора до уровня, приемлемого для обеих сторон».

Наконец, новыми вопросами современности стали вопросы о реальности угрозы локального, регионального или глобального межгосударственного конфликта. Какую роль в новом мировом порядке будут играть такие ядерные державы, как Китай, Индия, Пакистан, где сосредоточена половина населения Земли? Возможно ли для Китая силовое решение проблемы Тайваня? Какова может быть реакция на это со стороны США и его союзников?

Новые варианты международного порядка сохраняют свою неопределенность. Эпоха блокового противостояния и холодной войны отличалась по сравнению с современным миром ясностью, четкостью и логичностью. Перспективы развития в настоящее время становятся неясными, на мировую арену выходят новые игроки, и, хотя военное превосходство США не вызывает сомнений, можно предположить, что возможно возникновение ситуации, когда Соединенным Штатам не поможет вся их военная мощь, потому что не будет ясно, куда и против кого следует наносить удар.

Поэтому процесс трансформации военно-политических организаций является не только естественным, но и необходимым. Глобальная ответственность НАТО в этом смысле становится неизбежной, но НАТО при этом должна трансформировать свою концепцию в сторону подготовки к решению реальных проблем современности, а не отражения сухопутного нападения многомиллионной армии, возникшей неизвестно откуда (в традиционном смысле перспективным противником для НАТО теоретически может быть только Китай).

Поэтому реальная перспектива развития не только НАТО, но и всей структуры международных межгосударственных политических организаций состоит в формировании региональных организаций с военно-политическим компонентом, главной целью которых будет кризисное реагирование и урегулирование локальных конфликтов, а также отражение угроз, возникающих со стороны экстремистских групп и структур.

Итак, что же для нас история? Учительница жизни? Но человек способен учиться только на собственном опыте. Но именно в истории, иногда даже в глубинах ее, можно найти причины современных событий, объяснить их основу, понять их природу – и проанализировать перспективу их развития. Игнорировать историю в современном мире – то же самое, что лечить только симптомы болезней, не пытаясь лечить сами болезни...

А.Г. Нестеров